

Ночь была глубокой, словно вымощенной чернилами. Окна в административном здании клуба гасли одно за другим, и лишь под дверью кабинета Се Линя всё еще сочилась тонкая полоска слабого света.

Лу Цзин присел на корточки перед корзиной для бумаг. Его пальцы дрожали, когда он выщипывал из горы скомканных черновиков и испачканных кофейными пятнами стикеров лист бумаги, разорванный на семнадцать или восемь частей. Не включая свет, при лунном свете, лившегося из окна, он собирал его по кусочкам. Кончики его пальцев скользили по рваным краям бумаги, словно гладя старый шрам. Когда последний кусочек встал на свое место, чертеж сложился воедино: семь лет назад он собственными руками нарисовал это финальное построение для контрудара. Каждая линия, каждая точка были высечены в его костях и крови. Но этот чертеж должен был обратиться в пепел в тот самый день, когда Се Линь сжег тактическую карту.

Однако тот не сгорел.

Его спрятали в двойном дне, слой за слоем обмотав скотчем, словно боясь, что от малейшего дуновения ветра он разлетится на куски.

В правом нижнем углу чертежа виднелась строка, написанная красными чернилами. Краска уже поблекла, но она жгла глаза:

Если ты вернешься, этот строй станет искуплением.

Лу Цзин не плакал. Он просто прижал чертеж к груди, прислушиваясь к биению сердца — раз, два, — в том же ритме, с каким много лет назад, лежа на газоне, слышал, как Се Линь выкрикивает его имя.

Он не вернулся в общежитие. Он отправился в пустой тренировочный зал. Когда мел провел на стене первую черту, звук был таким резким, будто ломалась кость.

Линь Е появился первым. Одетый в пижаму и с бутылкой минеральной воды в руке, он простоял у стены ровно сорок минут. Не задавал вопросов, не прерывал. И только когда Лу Цзин закончил последнюю точку, хрипло произнес:

— Этот чертеж... Ты тогда говорил, что им можем пользоваться только «мы».

— Теперь, — Лу Цзин протянул ему мел, — мы вернулись.

В три часа ночи пришел Чэнь Мо, принес с собой скотч и старые майки в качестве тряпок. В четыре часа старый капитан Ли Чжэн толкнул дверь и, не говоря ни слова, снял куртку, присел на корточки и принялся помогать Лу Цзину стирать лишнюю меловую пыль. К пяти часам собралась вся команда. Никто не произнес ни слова, был слышен лишь глухой шелест мела,

стирающего стены, словно семилетнее молчание наконец-то заново вписали в самый воздух.

Уже рассветало, восток окрасился в бледный жемчужно-серый оттенок, а чертеж на стене снова стал целым — он казался еще острее, еще беспощаднее и еще больше походил на месть.

Лу Цзин стоял перед стеной. Старая травма в левой ноге тупо ныла, но он держался прямо, словно еще не упавшее знамя.

Дверь отворилась.

Се Линь стоял на пороге. На нем не было тренерского костюма — лишь серая рубашка с застегнутым доверху воротником. В руке он сжимал два новеньких тренерских значка, серебряных, чьи края еще хранили холодный блеск матрицы.

Расстояние в три шага.

Он поднял руку и аккуратно положил один значок на ладонь Лу Цзину.

В тот самый миг, когда холодный металл коснулся кожи, пальцы Лу Цзина дрогнули.

— Ты победил, — голос Се Линя звучал тихо, словно он боялся спугнуть сон, от которого не смел очнуться. — Только так я могу жить.

Лу Цзин пристально смотрел на него. Семь лет. Пять лет бегства, два года молчания, одна ночь разрыва и целая стена заново нарисованного прошлого. Он приоткрыл рот, чувствуя, будто в горле застрял раскаленный песок.

Затем он заговорил:

— А теперь, — он поднял глаза, и его взгляд пронзил налитые кровью зрачки Се Линя, — твоя очередь побеждать вместе со мной.

Кадык Се Линя дернулся. Он не кивнул, не ответил. Он просто поднял левую руку и медленно отлепил со своей груди старый командный значок — тот самый, который семь лет назад Лу Цзин приколот ему собственными руками. Он бережно положил его рядом со значком Лу Цзина.

Два значка, один новый, а другой старый, тихо лежали на ладони Лу Цзина.

Се Линь отступил на шаг, развернулся и направился к стене.

Не говоря ни слова, он опустился на корточки и подобрал с пола забытый всеми кусок мела.

Он провел линию.

Не тактику, не траекторию движения, не дугу.

Линию, которая шла от того места, где у Лу Цзина билось сердце, и прямо тянулась к его собственной груди.

Словно кровеносный сосуд.

Словно сама жизнь.

Лу Цзин не шевельнулся. Он лишь опустил голову, глядя на два значка на своей ладони, а затем медленно поднял руку и приколот новый значок на левый рукав Се Линя — именно в это место семь лет назад, когда он получил травму, Се Линь собственными руками завязывал ему бинт.

За окном первый луч солнца прорвался сквозь облака, ворвался в тренировочный зал и упал между ними двумя.

Тактическая схема на стене мерцала в лучах меловой пыли.

Словно запоздалая на семь лет клятва, которую наконец-то слышали.

Се Линь наконец заговорил, и его голос был тихим, как дуновение ветра:

— На этот раз... я не сбегу.

Лу Цзин улыбнулся.

Он не сказал «хорошо».

Он просто развернулся и направился к выходу, а его спина была прямой, словно клинок, выходящий из ножен.

— Через десять минут, — бросил он, — жду тебя у бровки.

— И не в роли тени.

— А в качестве ядра моего построения.

Дверь закрылась, и солнце полностью залило стены.

Этот чертеж в утреннем свете тихо продолжал гореть.

<http://bllate.org/book/19070/1873135>